

ВАЛЕРИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

САЯНЫ

АНГЕЛ

"БОЛЬШОГО"

ПОРОГА

Валерий Чернявский

Саяны. Ангел

«Большого» порога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69320476

SelfPub; 2023

Аннотация

Мы с одноклассниками росли на великих стройках Сибири. Приезжали с родителями в дикие нетронутые места, где была, до нас, – дикая жизнь местного населения. Мы подражали не Фенимору Куперу, а соседям, из "местных", жившим настоящими таежными законами и правилами. Рассказываю про «свой» «Большой» порог Енисея, в Саянах. О том, что он был! И сыграл свою роль в истории развития человечества. Строили мы в Республике Хакасия. А древняя высокоразвитое Государство Хакасское занимала почти всю южную и среднюю часть Сибири. Лет через 200 или 300, если человечество сохранится, – эта книга, может быть, кого-то заинтересует.

Содержание

2	17
3	24
4	26
5	31
1	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	51
1	52
1	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валерий Чернявский

Саяны. Ангел

«Большого» порога

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ПРОЛОГ

Начиная с весны 1969 года, когда Вовке – моему однокласснику, другу и напарнику по охоте в тайге – купили двигатель «Вихрь», на его не очень длинную лодку «Акулу», – наши ангелы хранители, видимо, крутились – как волчки, чтобы сберечь нас в постоянных походах через Енисейские пороги и дебри Саянской тайги.

Вовкина «Акула»

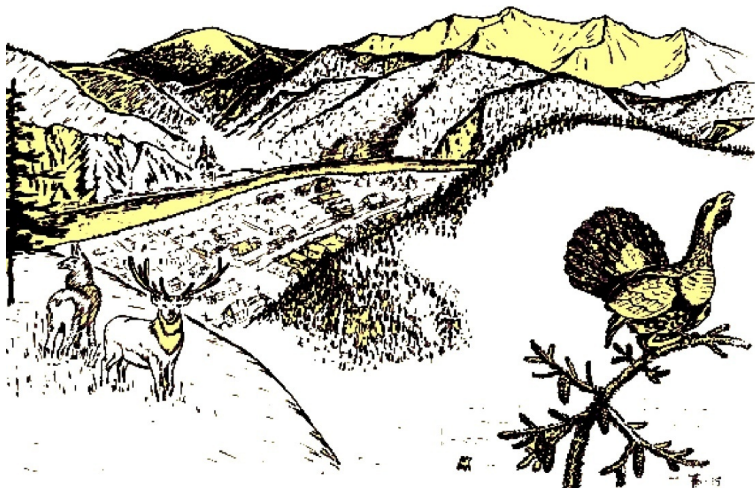
Куда только нас черти не носили! Двигатель на лодку его отец покупал, конечно, для себя; – Но! Начальник Управления Строительства Саянской ГЭС – Александр Иванович Карякин, возглавивший в начале 1968 года Управление – видимопредвидел,

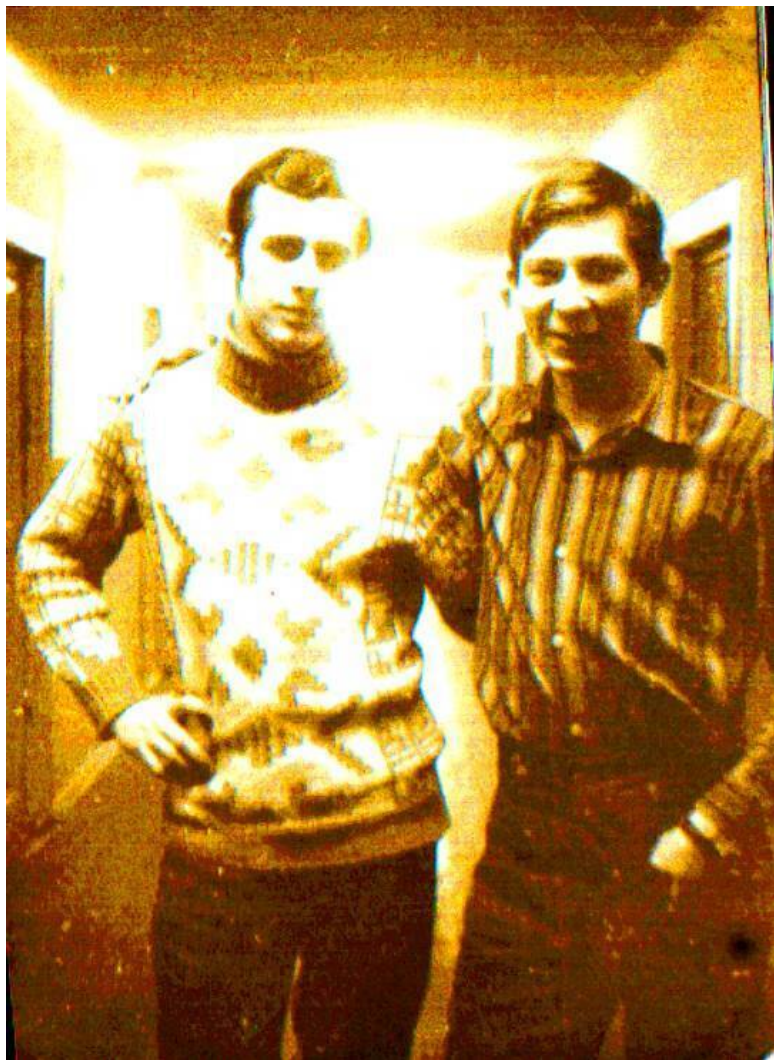
сей

(или уже тогда гуляли мысли в верхах, что бы – «По решению партии и правительства был намечен пуск Саяно-Шушенской ГЭС – по временной схеме.» С временных отметок уровня воды, временными рабочими колесами, временными генераторами – чтобы начать вырабатывать электроэнергию ещё в процессе строительства ГЭС). – И все руководители, всех подразделений ордена Ленина «Красноярск ГЭС Строя» забыли про отдых и поездки в тайгу. – Вовкин отец, руководитель «СанТехМонтажа» – не был исключением.

Мы были предоставлены сами себе, – с мощным двигателем, бесплатным социалистическим бензином, с родителями, занятыми на стройке, – мотались по порогам, по горным рекам, по отдаленным уголкам – там, где нет егерей! Где можно было спокойно ходить с ружьём, стрелять рябчиков, и ловить рыбу, собирать дары Саянской тайги. Три года школы и два года института мы прожили, как братья – близнецы,

носимые «нелегкой» и «поддерживаемые» своими ангелами – хранителями.

Закончив, второй курс электротехнического факультета, сдав экзамены, наши пути резко разошлись! Начали расходиться они еще прошлым летом – я поехал в «Енисейский» стройотряд «Энергия» электрофицировать деревню Абалаково, а Вовка, по каким то причинам, летом не смог, и поехал с басмачом, (такой позывной получил парень из далекого Казахстана, приехавший поступать в Красноярск), на осенний трудовой семестр – убирать урожай с полей Даурского отделения, Балахтинского совхоза. Даурск уже подтопило водохранилище Красноярской ГЭС и деревню подняли на гору, назвав её «Приморск». Там он встретил простую деревенскую красавицу, которая сразила его наповал. Но с созданием семьи возникли какие то проблемы, и он решил пойти года на два – в армию. Мы учились сразу в двух высших учебных заведениях – Красноярский Политехнический Институт, на электротехническом факультете, и «Красноярское Высшее Командное Училище Радио Электроники». По окончании – получали звание офицера отдельного рода войск КГБ СССР, особого назначения. И шли в армию – отдавать долг Родине. Он решил сначала отслужить в армии, а потом – не получать, офицерского звания и не ходить отдавать долг, когда надо будет работать и растить детей.

А передо мной встал вопрос – Куда поехать летом в стройотряд, зарабатывать большие деньги. Понятно, что в Енисейском строй отряде поясной коэффициент выше – зарплата

там будет больше. Но – нюанс! Мест свободных в этом отряде осталось только для вокально – инструментальной группы, – веселить людей в деревне! Я нашел себе коллегу по образу мышления – Ваню Филипова, с которым мы в прошлогоднем стройотряде очаровывали бабушек и ребятишек в деревенских кинозалах на двух простых гитарах, бардовскими песенками. Потому что, – другой культуры для масс, у нас в отряде – не было. А взрослому населению летом в деревне – от зори до темна – в кинозал ходить, в обесточенной деревне, без электричества – «мест не хватает».

Мы уже знали по первому строй отряду, что в наших отрядах нет электромзыкальных инструментов, нет времени ни на репетиции, ни на концерты, – работать надо световой день, А в гнилых северных деревеньках отключают электричество – когда мы приезжаем строить новые ЛЭП. Но ректорат и деканат считают, что студенты должны нести культуру местным аборигенам. Наверно они не знают, что мы выходцы из этих глухих деревенок севера и юга Красноярского края? Попасть в хороший строй отряд было проблемой – а мы хотели эту проблему преодолеть!

Чтобы изобразить себя вокально-инструментальной группой – нам не хватало соло гитариста. Мы узнали, что в одной из параллельных групп есть соло гитарист – парнишка с чисто сибирской фамилией – Криштоп. Учится в параллельной группе и не выпячивается. Мы пошли к нему, предложили поехать стройотряд соло гитаристом. Он обалдел и спросил

– а вы играть то умеете? Хотя в руках умеете держать инструмент?

*Нарукавная нашивка формы всесоюзного стройотряда
«Энергия»*

Потом взял гитару и забабахал такую партию соло гитары из композиции группы «Венчурис», что у нас челюсти отпали – мы так с открытыми ртами и слушали все его речи. Он сказал, что если мы сможем выучить партии этой группы – тогда может с нами что-то и изобразит. Нам некогда было учить, да и неспособны мы на великие подвиги! А он, оказывается, играл до института ещё, учась в школе, – во взрослой группе, почти профессиональной, в городе «девятка». У нас назывался девяткой – город, в котором обрабатывают Уран. А может – хранят. Не знаю. В общем – закрытый город. Мы поняли, что нам за ним – «не по пути». Пошли договариваться с группой, которая играла на танцах, в нашем общежитии. Договорились с Хетом – такой позывной был у руководителя этой группы, что Ваня возьмёт «ритмушку», с ними побрякает. А я спою пару песен на танцах, у нас в общежитии – и этим мы продемонстрируем, что у нас есть группа «вокально-инструментальная», что бы нас записали в стройотряд. Так мы и сделали, и нас записали в стройотряд.

Вскоре мы, на теплоходе «Ракета», ехали всем стройотрядом своим, в низ, по Енисею, до деревни Галанино, и оттуда – на автобусах и грузовых машинах нас развозили по выделенным для работы деревням, – то есть, разные бригады ехали в разные населённые пункты. Нас – человек девять, еще с какой – то большой бригадой, на пароме переплавили через

Енисей, да и повезли на запад – всего километров тридцать. Там большую Бригаду высадили, поселив их в домике смотрителя кладбища, прямо на входе на кладбище. А в отряде пацаны были и девчонок было много – человек пять, мне кажется. Как они там, на кладбище, будут жить и работать, по ночам ходить в туалет – не знаю!

Ещё километров через десять, на запад, – и нас выгрузили на какой-то пятак на болоте, отсыпанный гравием. Поднятый метра на три над уровнем болота и размером метров триста на пятьсот. Название этой деревни я уже и не помню. Оказалась, – деревня каких-то ссыльных чувашей. У меня в родной деревне, в Балахте, за речкой, жили ссыльные чувашаи. Я сколько знал в жизни чувашей, они были людьми мягкими, заторможенными, как бы – без стержня, без злобы на судьбу. За что их могли сослать – я не знаю. Потому, что там войны не было, быть какими-то предателями они не могли... Вот и здесь, тоже, среди болота пятак, на нем домов пятнадцать или двадцать. Покосившихся – не домов, а домиков! И всё! И они что-то где-то сеяли, пахали на болотах. Я не знаю. Чувашаи раньше активно принимали участия в движении «молокане». Это верование преследовалось Христианской церковью и правительством России, как и Староверы, как и Староскопеческое движение, – считалось сектой. Молокане пропагандировали идеи духовного христианства. Это движение вызвало озабоченность царской власти и православной церкви, с ним повели беспощадную борьбу, про-

поведников ссылали и казнили. – «1830 года, октября двадцатого, высочайше утверждённое мнение государственного Собрания о духоборцах-молоканах, иконоборцах молоканах, иудействующих молоканах, и других, признанных особенно вредными ересях!».

Один из нас.

Наверно, прабабушки и прадедушки этих чувашей, как и старообрядцы – или бежали от властей, или были сосланы сюда, на севера и болота. А эти потомки не имеют ни денег, ни воли, – уехать в Сыктывкар. Но я этого не успел ни чего у них разузнать...

2

Нас поселили в столярке, – в деревенской колхозной столярке. Кровати и постели мы привезли с собой. А у местного столяра мы сразу же взяли в аренду бензопилу «Урал». Новая разработка Советской техники. Он нам показал чулан с замком, куда можно было на ночь спрятать эту бензопилу, потому, что – «оставлять её не спрятанной – нельзя, местное население быстренько найдёт её хозяина». Переночевали первую ночь в этой деревне, – пока обустроились, кровати расставили, матрасы растащили и прочее... – Себе и девочкам. В каждом строй отряде давали врача – из мед института: студентку третьего или четвертого курса отправляли, в качестве врача, в стройотряды, и «поварёшку», – чтобы готовила еду. «Поварешками» ездили наши девочки. Жили «поварёшка» и медсестра – вместе, – отдельно от мужиков. Итого – первый день ушел на заселение и обустройство. Утром, мы как проснулись, первым делом пошли узнать как переночевала бензопила, – хотели попробовать – как её заводить, как с ней работать, потому что мы после школы, -пацаны. Год – два отучились в институте – нам по восемнадцать, девятнадцать лет. Как правило – никто с бензопилами не работал. В данном случае – надо всё осваивать самостоятельно. И к своему удивлению, увидели, что слова столяра сбылись! Открытый замок висит на месте, бензопилы нет. Мы

срочно к столяру – не забирал ли он ее? Нет, не забирал, – «а он теперь будет – как без рук, и мы должны отдать ему деньги за пилу в тройном размере, как договаривались»... пошли мы в контору – искать телефон – вызывать милицию из Галанино, наверное, или из Казанцева, – точно не помню. Милиционер приехал к обеду. Посмотрел – что, как произошло, место преступления, и первым вызвал на допрос столяра. Столяр колхозный рассказал, что деревня вся жуликов. Не успеешь оглянуться – что-нибудь сопрут и пропьют! Что у каждого в бане, в огороде стоит самогонный аппарат. (А тогда это было запрещено – подсудное дело!) Ну, в общем, – люди плохие! Милиционер попросил столяра пойти с ним по деревне, поинтересовался – где живёт столяр. Зашли к нему в дом, Пошли в баню – там стоял самогонный аппарат! Милиционер пред ложил этому столяру, что если он вернёт пилу, то самогонный аппарат он заберёт, но оформлять не будет. Под суд не будет отдавать этого вора и самогонщика. Повел нас хозяин в огород, в копне какого-то прошлогоднего сена откопал бензопилу и отдал нам. Вот так начиналась наша работа в этой деревне. Это был второй день. До темноты ещё осталось часов пять или шесть, нужно было работать. Меня отправили вязать анкера – две или три электро опоры связанные головами и раздвинуты ногами. Потому, что я в Абалаково занимался строительством, вязкой анкеров, прошлым летом, и – знал, как это делается. В данном населённом пункте в качестве электро опор были не крезотные*

с завода, а самодельные, вырубленные листвяжные столбы, метров по девять – десять. Они были тяжеленные, сырые, не ошкуренные. Мне нужно было их тащить два столба головы вместе хвосты врозь – на четыре – пять метров разнести, отпилить пол столба – четыре с половиной метра на траверсу поперечную, всё это сложить и подготовить к сверлению, чтобы потом шпильками стянуть. Я корячился с этими столбами, таскал их, перетаскивал, поднимал перекладину на два этих столба – в общем, поработал я в этот день – на поднятие тяжести. Это был второй день, как я уже говорил, в деревне, и оба дня поварешка нас кормила, – брала в колхозе по ведру молока! Молоко было вкуснейшее, жирное, настоящее! Коровье и в неограниченном количестве – ведро на 10 человек! Ну пей сколько влезет! Мне голодному студенту было – как за счастье! Я отрывался молоком, хотя и подозревал, что этого делать не стоит. На следующий день – то есть, это уже будет третий день в деревне, и мы разглядели, что старые сгнившие опоры электрической линии стоят на бетонных пасынках и спилить их бензопилой, свалить, – не получится. Это было для нас неприятным сюрпризом.

Решили – попросить в колхозе трактор и попробовать свалить крайнюю опору не снимая проводов, чтобы завалить все столбы по деревне. Меня отправили искать трактор в колхозе, договариваться. Нашёл управляющего этим отделением и он разрешил мне взять трактор. А их в деревне было два штуки – ДТ-75. Оба бордового цвета, красивые, И в данный

момент они стояли возле домов Трактористов, на полях не работали. Пошёл искать тракториста. У кого-то спросил – где можно найти тракториста? Мне показали – третий дом от края, – «Скорее всего он там». Дом невысокий, маленький, слегка подопревшие брёвна. Дверь выходила на улицу, без палисадника, без забора. Постучался. Несколько голосов разноречивой что-то сказали. Я открыл дверь и в темноте избушки с одним оконцем – ступеньки опускались вниз сантиметров на 50—60. Пол был земляной. Дощатого пола не было! Пол был засыпан окурками самокруток, какими-то костями, плевками; по полу бегали несколько щенков, несколько поросят и несколько ребятишек. У оконца, как в наших охотничьих избушках, стояла из досок сколоченная столешница. За столом сидело человек пять, сбоку мостились не влезшие – еще двое, и два или три стояли в темноте за их спинами. Мужского и женского рода. На столе стояли четыре или пять стаканов с жирными отпечатками грязных рук. Свет шел от оконца через четкие отпечатки и беловатую мутноватую самогонку, налитую в эти стаканы. Ошарашенный всем увиденным, я сбивчиво объяснял, что строй отряд, что... – «пей» – протянули мне грязный стакан с мутной, вонючей жижей! Я судорожно передергивал в голове мысли – «пить не могу» – я вообще не пил спиртного в том возрасте, и в отряде – сухой закон, и из этого грязного стакана... , и ... «Если не выпить, скажут- „брезгуешь, сучара“ – и не пойдет тракторист, подведу всю бригаду». «Что делать то, как „отмазать-

ся“?» Взял в руки грязный стакан, поднёс ко рту, отвернулся от стола, сделал вид- что сделал пару глотков, – и поставил стакан на стол. Сказал – спасибо мужики, и объяснил, что мне надо. Тракторист парень молодой, года двадцать два, встал, пошёл со мной. Завёл свой красивый трактор, шмыргалкой – из кармана, подъехал к столбу, на углу поворота линии, который, казалось мне, быстрее свалится под тяжестью двух пролетов проводов и – радиатором кинулся на бетонный пасынок. С первого раза – опора устояла! Уехал назад метров на пять, поехал опять «мордой» на столб! Я просто одурел от подобного! – Ну каким надо быть идиотом, что бы радиатором машины наезжать на бетонные препятствия? Или быть очень умным, специально это делать? С третьего раза облицовка продавila радиатор, и тот – наехал на вентилятор. Ударил столб пара, из – под капота. Тракторист заглушил двигатель, не отъезжая от опоры, спокойно вылез, и пошёл в третий дом от поворота – допивать свою самогонку. Ошарашенный, раздавленный произошедшим, я пошёл к управляющему. Объяснил – что произошло. Он отправил меня ко второму трактористу. К моему ужасу, второй тракторист сделал тоже самое! Спросил, какую опору надо свалить, сходу, как ехал, ударился «мордой» оранжевого, красивого трактора об указанную мной опору. Пошёл пар из – под капота, затрещало – затарахтело! Он заглушил трактор, пошёл куда-то, – по своим делам. А других тракторов в этой деревне не было. В этот день, значит, работа закончилась.

После обеда приехали врачи санэпидемстанции, из районного центра – читать нам лекцию. То, что они прочитали, у нас в головах не укладывалось. Они объяснили, что восемьдесят процентов людей в данной деревне болеет хроническим сифилисом! (Мы тогда считали, что сифилис – вообще смертельная болезнь, неизлечимая. Наверно, в то время, – так и было?) И – сорок процентов жителей этой деревни – болеют хронической дизентерией! Не излечимо. Зачитали пофамильно, – с кем не надо вступать ни в какую связь! Нас шокировало и то, что эти врачи не считают за людей – жителей этой деревни: по – фамильно, поименно, с номерами домов, выдавая медицинскую тайну, и не лечат этих людей. В то же время, меня передёрнуло от того, что я пил из грязного, заразного стакана или хотя бы брал в руки этот стакан, а может быть, – даже «коснулся губами» к этому стакану с самогоном, в такой эпидемичной ситуации. И с этой мыслью у меня, наверное, что-то в психике повернулось слегка! К вечеру я стал посещать наш туалет регулярно и на всю ночь. Утром пошёл врачу отрядному, – рассказал, что со мной происходит: что начались боли в животе, что ночь просидел в туалете, что брал в руки стакан вместе с местным населением. Она мне дала какие-то таблетки. Вечером поинтересовалась – как у меня дела. Дела не пошли на лад. А к утру у меня началось покрываться тело волдырями и неистово чесаться. Врач без анализов ничего не может сказать. Она меня выпишивает из стройотряда и отправляет в город, в студенческий

городок, нашу поликлинику,— студенческую.

3

Стали созваниваться с командиром отряда. Тот объяснил, что на завтра приходит машина с грузом, – я должен с нею выехать в бригаду, в десяти километрах от нас. Там машина переночует, загрузится, потом, выезжают на паром и едут до Большой Мурты. Поскольку праздники – (не помню, какие праздники) – там надо заночевать. У наших старших коллег, из мехколонны «Енисейск- Энерго», какие то вагончики стоят в Большой Мурте. В них переночую. Утром другая машина пойдёт в Красноярск. И на ней мне ехать – до Красноярска. В тот день машина не стала грузиться в соседней бригаде и напрямиком пошли до Большой Мурты. В кабине было жарко! На улице – тоже, было жарко. Я весь покрылся волдырями, весь чесался. На руках и ногах, в пахах и на ягодицах волдыри стали вообще большими, чесались невероятно. Я руки высовывал в окно, что бы немножко их остужало. Мысли у меня в голове крутились самые отрицательные. В Большую Мурту приехали к вечеру. День был праздничный. Водитель оставил меня в вагончиках, из которых народ уехал по домам. Осталось два человека из Бригады, которые бурно справляли праздник. Торжество дошло у них уже до выяснения обстоятельств – кто кого уважает. Я постарался объяснить им, что коллега из строй отряда, переночую и уеду... залез на второй этаж нар, чтобы подальше от них быть и пы-

тался лежать, дожидаясь утра. Они, в поисках истины, время от времени, катались по толстому слою сухой грязи на полу вагончика, долетали до нар. На первом этаже нар шли тяжелые бои без правил. Потом кто-то из них вставал, видел меня, мои ошарашенные глаза, которые в сумеречном свете, наверно, светились от неприязни, и с удивлением спрашивал в очередной раз – ты кто? Я в очередной раз объяснял ему, что я студент, что мне надо переспать, что я утром уеду. Они уходили за стол, отмечать праздник до следующего раунда поисков истины, опять кувырком докатывались до «шконок», и опять спрашивали, – кто я. Утром, действительно, пришла за мной машина, заехала! На ней добрались до Красноярска. А потом, на общественном транспорте – через весь город – до студенческого городка, до родной «общаги».

4

Общага оказалась не такой приветливой, как я ожидал; – «право проживания в общега закончилось для народа вместе с учебным годом! Списки новых жильцов деканат обнародует к началу нового учебного года»! – Пояснила мне вахтерша пенсионного возраста, на входе в заветное здание. Я никогда не задумывался, почему одна и та же вахтерша, весь год, сидит на вахте, не меняясь, не имея выходных и праздничных дней? К тому же – и день и ночь. Вахтерша не любила жильцов этого здания. Студенты не любили эту старую, не приветливую женщину с некрасивым лицом, но относились к ней как к старому шкафу, стоящему в фойе, мимо которого ходишь каждый день, протискиваясь боком и привыкнув к этому неудобству. Объяснив, что вышел из этого здания – всего пять дней назад. Что у меня вещи – стоят в комнате, что надо лечиться в нашей поликлинике, что другого жилья у меня в городе – нет! – Получил разрешение на проход внутрь здания, и раздумья вахтера – о возможности ночевки на голой сетке, т. к. – все постельное сдано на склад, акт подписан. Наша комната оказалась открытой, и пустой. Ни матраца, ни одеяла, ни коврика – тряпки на стенке, ни боксерских перчаток, ни гитары, ни фотографий! Ушел куда – то и мешок с мелкими личными вещами, скиданными туда второпях, и чемодан с одеждой... Это открытие еще раз ока-

тило меня хладом, как помоями из тазика. Присел на голую пыльную сетку кровати. Мы жили, – имея два законных метра квадратных жилплощади, так же законно и неотвратно – поехали на третий трудовой семестр. Куда бы мы дели свои личные вещи? Потасили бы все с собой? – Оставили на своих квадратных метрах. Вылетев из колхозной столярки – как из временного, но «своего» аэродрома, я стал бумажным самолетиком, выброшенным в окно, к тому же – в аварийном состоянии. Меня несло по неизвестным мне дорогам, машинам, населенным пунктам, строительным вагончикам, незнакомым людям. А человеческому сознанию необходимо приземлиться на родной аэродром, ощутить под ногами знакомую твердую основу, снова обрести корни, прочно вросшие в грунт, – что бы расслабиться и вдохнуть спокойный воздух. Лет через сорок – Олег Митяев споет – «мы пробьем Шереметьевский сумрак – и окажемся в море огней! Я по милой земле прошагаю, – потеряв свой последний рассудок!!!». Мне эти его слова очень понятны и дороги, – как молитва.

Но совершенно неожиданно, моего пристанища тут, уже вроде, как и нет. Моя невеста, как принято было говорить в те прекрасные и чистые времена, или – моя подруга – как сказали бы современные молодые люди, моя Наталия училась со мной на одном потоке, хоть и на другой электрической специальности. Это она «протащила» меня в институт, сидя рядом со мной на вступительных экзаменах, исправляя

ошибки в моем сочинении. Имея твердую двойку с плюсом по русскому языку, я сам, никогда бы не сдал вступительных экзаменов. Да я бы и не поехал поступать, – сам. Мыслей таких даже не было, – поступать! Был глубоко уверен, что в институт поступают очень умные ребята, каких в нашем классе было – почти все, а не такие посредственности, – как я. Перед выпускными экзаменами в школе мне приснилось, что я поступил в институт! Я был счастлив во сне, как в жизни никогда не был. А когда проснулся – хотелось биться головой об угол, за то, что проснулся и нарушил свое счастье... На третий день после выпускных экзаменов в школе, Вовка, вдруг объявил, что уезжает поступать в институт, в Красноярск. Я был ошарашен – он учился чуть лучше меня, и с этим уровнем знаний – в институт? Он пояснил – полтора месяца подготовительные курсы, платные и ... экзамены. Я подумал – а вдруг?! И рискнул поехать с ним вместе. Получив за жизнь три высших образования, я убедился, что поступают разные люди, и заканчивают – разные. И умные, и средние, и вообще – без знаний, и даже – олигофрены. Был такой в соседней группе – Коля Горниконов, Родился музыкантом, до тридцати лет – где то музыкалил. В тридцать, поступил в институт, на очное отделение. Среднего роста, полный, с огромной головой. Брал в руки любую детскую свистульку, трубу, пикульку в магазине «детский мир» и играл интернационал. Играл на всех инструментах... Но в учебе... Он не мог сам ни одного задания выполнить, ни одного

курсового сделать. Брал чей ни будь прошлогодний чертеж, совсем чужой вариант, и ходил сдавать его пять раз, десять раз, – преподаватели понимали, что он «не адекват», но, в конце концов, ставили ему зачет, и так он переходил с курса на курс. В общем – каждый студент, в зависимости от уровня своих знаний, выбирает стратегию, как получать зачеты и получает диплом. Ребята, кто раздумывает – поступать – не поступать? – Однозначно – поступать! Наталия, на летний – трудовой, осталась в городе, на ремонте нашей общаги. Конечно, сегодня ей сразу сказали, что «её приехал», и она прилетела в мою пустую комнату. Всем известно, что мужчина может поднимать штанги, переворачивать горы, – когда он здоров и полон энергии. Но когда он заболел гриппом или не много «затемпературил» – он уверен, что умирает! И он тащит свое обессиленное тело к своей женщине- жене, матери, сестре и сбрасывает его на руки женщины, как бы объявляя – теперь ты несешь ответственность за мою жизнь! И она соглашается, начинает искать аспирин и парацетамол, наводить полоскание содой и солью, понимая, что ни хрена с этим жеребцом страшного не происходит. Разумеется, и я – «тянул на одном крыле и остатках топлива до родного аэродрома» уверенный, что Наталья трезво рассортирует мои болячки по врачам и здравпунктам. Но я с первых слов увидел и услышал, что она тоже, оторвана от привычной общаговской жизни, висит в воздухе, без твердой опоры под ногами. Их, оставшихся на отработку, так же выгнали из своих ком-

нат, перетаскивают с этажа на этаж, селят временно кучей, ни каких авансов не обещают. Буфет, которым вся общага ужинала и вечеряла, – не работает. Антисанитария и грязная черновая работа. Деньги с последней стипендии все работники отложили на билеты, – ехать до дома. На оставшиеся копейки надо полтора месяца прожить. А что заплатят – не заплатят за ремонт своей общаги – ни кто не знает. Вещи мои она перетащила в нашу этажную фотолабораторию, которой я заведовал. Там есть чайник и наверно – сахар, хлеба она принесет. С ночевкой помочь – не знает как. Как сейчас у студентов принято – жить гражданским браком – у нас не было разрешено. Мы были и оставались до свадьбы – жених и невеста, поехали за тестом. Поэтому и показывать ей свои болячки я не мог. Застелив сетку кровати ковриком, я прокрутился ночь, на утро отправился в городскую больницу.

В связи с тем, что кожные болезни и венерические лечились в одном медицинском отделении, я поехал в кожно-венерический диспансер. Было очень стыдно. У окошек венерологического стационара стояли молодые женщины, курили, беседовали, когда я проходил мимо – рассматривали меня... – я сгорал от стыда. Когда подошла моя очередь – зашёл в кабинет. Молодая симпатичная врач, одев резиновые перчатки, спросила – Что с тобой? Я сказал – да вот, подцепил какой-то триппер. Она нахмурилась, скомандовала – Снимай штаны. Я готов был провалиться сквозь землю – перед красивой молодой женщиной снимать штаны, девятнадцати летнему, всему покрытому волдырями, пацану... Она прикрикнула, или крикнула – Снимай штаны! Я растерянно спустил штаны до колен. Она посмотрела на меня, спросила – когда была связь? Сколько дней прошло? Я ответил, что связи не было. – Ну, ты же сказал, – что триппер? Я говорю – вот смотрите, всё красное всё в волдырях, на ногах и ягодицах. Её лицо и голос подобрели, она мне сказала, – Все бы таким триппером болели... – Одевай штаны. Я обратно натянул штаны. Она выписала мне микстуры от крапивницы, сказала – что это нервное заболевание. Надо пить калий хлористый и всё пройдёт. Ну а то, что болит живот – надо идти к терапевту. В студенческой поликлинике сделали какие-то

анализы, определились, что у меня подостренный гастрит, надорвался тяжестью, лёгкое опущение желудка, и несварение, – не привычное жирное молоко. Меня списали, комиссовали, освободили от летнего трудового семестра. Я поехал домой, в родную Майну. Домой! В Хакасию! Вот странность жизни- я потомок очень богатого рода Донских казаков из города Орла – бабушка Сычева Акси́нья из богатых, и дедушки – Сычев Евгений – из нищих. А вокруг – одни Сычевы, за кого еще выйти замуж? Но родственники резко стали – «против»! И дедушка с бабушкой завербовались в Сибирь, плюнув на наследства родительские, оказались в деревне Балахта, на древне – Хакасской земле. Где я и родился. – С одной стороны, И с другой стороны – сосланного в Сибирь – польского рода. Но тут информации мало. Отец – детдомовский, вместе с тремя родными братьями. А я – урожденный хакас?

ДАВНЫМ—ДАВНО

1

Дороги до дома было – ночь в поезде, до Абакана, по станциям героев – Кошурников, Стофато, Журавлев, – которые, осилив таежный маршрут по Хакасским землям, – погибли, – уже при выходе к людям. Но! – Проложили маршрут этой железной дороги.

Полный упадок хакасской государственности, вызванный монгольскими завоеваниями, был причиной того, что в Сибири в 1600 годах обитало сравнительно малочисленное население, переживавшее глубокий экономический и культурный упадок. Высокоразвитое, сильное, воинственное, культурное Государство Хакасское, владеющее технологией обработки металлов, решило мирным путем договориться с Чингисханом – в 1200 годах, и вошли – в состав «Золотой Орды». Готовы были платить натуральный налог – Ясак, понимая, что лучше развиваться и создавать, чем воевать с дикими, голодными ордами степняков. Рассуждая о том, что в те древние времена, когда Чингисхан завоёвывал Азию и Европу, а в Хакасии уже выплавлялись сталь, – наверно это – глуповато. Потому, что еще одна тысяча двести лет назад, в Иерусалиме, железным клинком был поражен Иуда Искарriot, у которого забрали «тридцать серебряников», и в тот же день стальной наконечник копья прервал мучения Хри-

ста, на Голгофе.

Регионы планеты, где встречались лицом к лицу, залежи каменного угля, и скалы – с железной рудой, – становились центрами развития человечества – естественно. И можем сказать – Германия, Польша, Киевская Русь, Хакасия – этому подтверждение. Великий Китайский Путь проходящий через Хакасию разносил изделия хакасских кузнецов по свету, и вполне может быть, что еще почти тысячу двести лет назад, кинжалом хакасских мастеров, – был поражен в Иерусалиме, – Иуда Искарот, Т.К.

в Иудее залежей железной руды, в те времена, найдено еще – не было.

Но с веками, новые и новые волны голодных орд монголов превратили сборы ясака в многократные поборы и грабеж. Конницы монгол регулярно выедали и вытаптывали степные выпаса местного населения. То там, то тут отдельные хакасские феодальные княжества – улусы – протестовали, поднимали бунты, мятежи и восстания, и по отдельности, были уничтожены ордами захватчиков. В течении четырех веков уничтожили Государство Хакасское. В 17м веке – Только в Сибирском ханстве – (районы Омска, Тюмени, Урала) и в южной полосе, кое-где остались мелкие, разрозненные феодальные улусы. В середине июля 1628 года экспедиция, во главе с боярином Андреем Дубенским, прибыла к месту впадения реки Кача, в реку Енисей, на красный яр. Грабительские набеги диких племен Джунгар отнимали последние силы Хакасского разоренного государства. Воевать с прибывающими казаками русского царя, сильными и не выражающими агрессии, у хакасских улусов сил и большого желания – не было.

Датой официального закрепления хакасских земель за Российской империей можно считать 20 августа 1727 года, когда между Россией и Китаем был заключён пограничный трактат. – Земли, на северной стороне Саян, – стали Российскими, на южной – Китайской Империи. Саяны – название для двух горных систем на юге Сибири: Западного Саяна и

Восточного Саяна. Хребты располагаются в пределах Красноярского края, Иркутской области, республик Хакасия, Тыва, Бурятия, а также северных районов соседней Монголии. В 1758 году китайские войска вторглись на Алтай и разгромили Джунгарию. Возникла угроза нарушения официально признанных границ Российской империи. На этом их участке, царское правительство в спешном порядке разместило казачьи гарнизоны. Со времени, когда пограничную службу стали нести казаки, произошло фактическое закрепление Хакасии за Российской Империей. В девятнадцатом веке, коренное население именовалось российскими властями – Минусинскими (Абаканскими, Ачинскими, Енисейскими) татарами. Им было предоставлено самоуправление в рамках «Устава об управлении инородцев: Степные думы и инородные управы»

От Абакана – до дома – на автотранспорте. Сто двадцать километров по Кайбальской степи, заросшей полынью и прозрачным золотым ковылем. Наверно, все наши студенты знают, как начинает биться сердце, когда с середины пути, видишь родные сиреневые Саянские горы! Когда подпрыгиваешь на сиденье, вытягиваешь шею – лучше разглядеть пока мутно видные горы, снежные вершины хребта – «Борус». И начинаешь про себя восклицать, горы – я вернулся! Горы – я вернулся! – И счастлив видеть вас! И запах хакасской степи, полынный и как правило – горячий!

Родной аромат полыни, первых чувств влюбленности в од-

ноклассницу, с которой уносились на мотоцикле – навстречу солнцу и звону кузнечиков. Так хочется добавить «газку» и взлететь, не высоко, на пропахшем бензином, раскаленном «Восходе», что бы еще плотнее она прижалась к твоей спине, еще крепче обхватила тебя руками. И «чекаются» мотоциклетные каски – как бокалы с шампанским! Горы! Я верну- улся! Домой!

хребет «БОРУС»

Домом – мы называем то гнездо, в котором живут наши родители, где мы выросли, где живут наши детские воспоминания.

нения, где всё родное. В восемнадцать лет еще трудно осознать, – что это не твой дом, а твоих родителей. Что пришло время тебе строить свой дом, свое гнездо. Мы жили в рабочем посёлке Майна. В 1968 году заселились в «зоновский» барак.

Тогда в квартиры заселялись только по ордеру. Нужно было отстоять в очереди несколько лет, и когда придёт твоя очередь, – выдавали ордер, заселяли в квартиру – за бесплатно. Но когда очередь не подошла, что делать?

фото у барака, с соседкой Светой Тютяевой

Весь посёлок Майна – он странный. Он построен возле медного рудника, – Екатерининская Шахта, начавшая работать в 1732 году. На левом берегу Енисея, в Майнской горе. И в 1745 году – закрылась.

Но если посмотреть на карты тридцатых годов, сороковых годов XX столетия, – где отмечены даже мелкие таёжные из-

бушки, дома лесников, небольшие населённые хутора – а посёлка Майна – нету. Его вообще нет. Есть деревня «Означенное» в десяти километрах вниз по Енисею, где заканчиваются Саянские горы и начинается Кайбальская степь. Есть километрах в трёх, вверх по Енисею, небольшой лесозавод, – «Красный Партизан», в устье реки Уй. Если мы посмотрим карту Красноярского края за 1939 года, – там нет посёлка Майна. В аннотации к этой карте написано, что она составлена по наложению, около, двух десятков карт. Десятка два, начиная с 1907 года по 1938 год XX столетия.

Майна

Есть Очурь, есть Монастырщина, Означенное есть, есть деревня Летник, где мы нашли заброшенную могилу начальника Семиозерской Таможни – Успенского Н. Н. , который утонул в Джойском пороге, перевозя золото и почту. Майна – нет.

При отсутствии реального населенного пункта, кто – то построил на реке «Уй» бетонную подпорную плотину высотой метров восемь и длиной – метров пятьдесят, со сложными водопропускными и водосбросными устройствами.

От этой плотины по берегу реки построили канал, дно которого было выложено бочковой клепкой и стянуто металлическими шпильками. В низинках, этот канал переходил в деревянную трубу, диаметром – метра полтора.

Через пятнадцать километров диких сибирских бездорожий, и чередующихся скальных выходов, и заболоченных низин, канал выходил в деревню «Означенное», переходил просто в арык и дальше назывался «Уйская Оросительная система». Эту систему торжественно пустили в эксплуатацию в тысяча девятьсот тридцать восьмом, в «разгул сталинизма». И когда вода, через двенадцать часов не пришла из канала в арык, главный инженер строительства – застрелился.

Так гидроузел выглядел в 1950-х

Ранняя весна, плотина работает «на сброс».

Приехавший новый главный инженер в самой верхней точке деревянной трубы просверлил отверстие, воздушная пробка вышла, пошла вода. Невидимые, на карте, – строители, наверно – добрые гномы, – наблюдали за работой канала, года полтора, разбежаться не решились, и получили от тайных высших сил указание, – построить на пустом болотистом займище, идущем от подножия двух крутых, высоких гор – «Баштак» и «Екатеринка» плавным спуском к

Енисею, – обогатительную фабрику медной руды. Для «Туимского медного рудника» и «Сорского молибденового комбината», который помимо молибдена добывает и большое количество меди.

Второй раз Майна, как населенный пункт, родился в 1946 году. Перевезти всех гномиков в Туим, видимо, оказалось сложнее, чем построить тут фабрику и возить сюда руду на обогащение – ЗИСами, по бездорожью.

Деревянная труба, водовод из Уя в Уйскую Оросительную Систему.

Через пять лет, все медные прииски Хакасии немного «за-

светились» в статистике, – в систему «Исправительно Трудовых Лагерьей» – ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ 16.10.1951, г. Красноярск, входило 12 «лаготделений». Разработка медных месторождений «Юлия», «Киялых-Узень», «Туим» и месторождений Карышской группы, строительство шахты №9 в Черногорске, разработка Темирской, Актотракской геологоразведочных партий в Хакасии, строительство в Красноярске, Ачинске, Абакане, добыча слюды в районе ст. Камола. Численность: штатная – 20 000 з/к, в т.ч. 3343 женщины, 1082 осужденных за к/р (контр революционных) преступления. (в 1953 г. переименован в Таежный ИТЛ;) Но «Екатериненской шахты» тут не указано. Может она относится к более секретным изысканиям? **«Вторая научно-практическая конференция – Минерально-сырьевая база металлов высоких технологий освоение, воспроизводство, использование»** – «Поиски редкоземельных минералов, содержащих торий, начались задолго до практического использования внутриядерной энергии для нужд промышленности. Главным из них был монацит. Его добыча велась, уже в конце 30-х годов XX столетия, на юге Енисейского края.– (речки, ручьи, и – в ключах). 1935 год – Начало освоения Таракских месторождений геологическими партиями».

Наш учитель географии – Надежда Степановна Ващук, объясняла нам на уроках, что «Маинский рудник» добывал медную руду двух видов, и оба вида – бедные по содержанию меди. В отличии от руды рудника – Джекказган. Джек-

казган открылся в 1938 году. Значит, уже в 1938 году медный рудник по добыче меди в Майна, – был не рентабелен. Но в 1946 году восстановление шахты и обустройство ее, производили заключенные, которые работали здесь до 1952 года, когда Майнский медный рудник был частью ГУЛАГа НКВД СССР.

Кобальт. «В качестве попутного компонента кобальт извлекался из массивов медных руд «Майнского медно – колчеданного месторождения». За время эксплуатации получено 1200 кг металла». На территории Майны был лагерь, в котором попавшие под пресс государственного террора граждане, ударным трудом искупали свою вину. Они же, вместе со ссыльными и вольнонаемными рабочими, построили поселок. Но никто из «старожил» не видел этих заключенных, гномиков из бараков, кого – бы я не расспрашивал. Не известно, – что за заключенные, куда они делись? Почему населенный пункт на десять или пятнадцать тысяч человек не нанесен ни на одну карту с 1907 года по 1938 год.? Наверно и в 1907 году здесь так же располагались царские каторги и места ссылки? Когда не стало Берия Л. П. В 1953 году, прекратил свою деятельность и «Енисейстрой» в поселке Майна, на объекте – «Майнском месторождении меди» – которое входило в Енисейский Г УЛАГ. К тому времени заключенных в Майнском лагере уже не было, а работниками рудоуправления контролировалась жизнь и рабочая деятельность вольнонаемного персонала шахты, ссыльных бандеровцев и пособ-

ников ОУН1,* (националистическая организация запрещенная в Российской Федерации, и тем более – в СССР) и работа «отделения лагеря лесозаготовок» на Реках Джой, Черемухов лог, Голая.

Украинцы, сосланные на поселение в долину реки Уй, называющейся «Долиной Бабика» – по названию ручья, впадающего в Уй. Их начали ссылать сюда после 1940 года, а Уйская плотина в 1938 году уже запустилась в эксплуатацию, – Ее строили какие-то другие заключенные.

Я всегда в удивлении, – по поводу наших ссыльных: Дедушка Ленин тут три года свободно охотился на зайчиков по островам речки Шушь, на вкусных журавликов – на «журавлиной горке» отдыхал, писал свои статьи – дом отдыха! Ссыльные бандеровцы, поселенцы – как в раю, в чудной ровной долине, за горой, – от людей, надзирателей, милиции... море земли, на опушке леса – строй дома, держи скот, сажай огороды. Дикие козлы сами приходят в петли – сена в копнах пожевать, харюза в Уе – руками ловили, на работы в шахту, лесозавод, и на «зону» – машина возила. Хуже жилось вольно – наемным, стекающимся на медные и золотоносные шахты нашей округи из окрестностей города Артемовска, села Курагино, деревень Усинского тракта. Они копали себе землянки на бугорках и возвышенностях среди болот и на территории ядовитых отвалов медного рудника, а позже – хвостовых сбросов и шлака.

Через год или два, – заработав немного денег, лепили ма-

ленькие домишки в окрестностях лагеря.

В 1954 году Майнская обогатительная фабрика была пущена в эксплуатацию, со всей социальной инфраструктурой, размещенной в пятерке двухэтажных брусковых домов, с ТЭЦ, вырабатывающей электроэнергию на экспроприированных немецких генераторах, паровых турбинах, на итальянских котлах «Ансальдо», с водозаборами и очистными сооружениями. Многие мои знакомые работали на этой обогатительной фабрике.

Когда мы приехали сюда, то весь посёлок был застроен «зоновскими» бараками. Не менее пятидесяти штук. А по окраинам, прислонялись к баракам частные домики, лезли на гору, уходили в лога. Эти Бараки – они бесхозные, они не стоят на балансе ни в Рудоуправлении обогатительной фабрики, ни в Поссовете. Кто в них заселился, тот и живёт. А кто уезжает – продает. За деньги. Хоть тогда это было запрещено. В общем, мы купили себе бетонный карцер в одном из бараков. Размерами три на четыре метра. В этот бетонный Карцер входила кровать, на которой спала мама с младшим моим братом, мой диван, стол и печка дровяная. Отец спал на полу, под столом. Зимой бетонные стены промерзали насквозь и пол тоже. Печку приходилось топить круглосуточно. Наши бараки были трёх подъездные. В каждом подъезде было по четыре больших камеры, человек на двадцать пять. Итого в подъезде – сто человек, в бараке – триста. Весь лагерь – пятнадцать тысяч человек. По величине – это коллектив ордена

Ленина Красноярск ГЭС строя, вместе со строителями Саяно-Шушенской ГЭС, подготовительной базой Катуньской ГЭС и строителями базы Средне – Енисейской ГЭС – г. Лесосибирска. Год мы прожили в этом карцере, и купили большую камеру, квадрат на тридцать, у соседей – Березиных. Витьке Березину дали квартиру в Означеном, в панельной пятиэтажке, по очереди, от автобазы. Мы прожили в большой камере четыре года. Когда я догрызал гранит второго курса, родителям дали квартиру в четвертом микрорайоне поселка Означенное, в доме завода СаянМрамор, по переселению из аварийного жилья. Так что приехал я не домой, а в гости к родителям, – на лето.

2

4 ноября 1961 года в Абакан прибыл первый отряд изыскателей «Ленгидропроекта», искать створ строительства Саянской ГЭС на Енисее. В результате исследований решили строить ГЭС на месте небольшой заимки – «Карлов створ». В 1962 году разделы проектного задания – «Подготовительные работы» и «земляные работы» были готовы, Можно было приступать к строительству. Работы на строительстве Красноярской ГЭС были в самом разгаре. Но начальник строительства – Андрей Ефимович Бочкин, боясь, что на Саянскую ГЭС кинут работать Братскгэсстрой, договорился с министерством энергетики, что начнет работы на Саянской

ГЭС за счет экономии финансовых, и материальных, технических средств Красноярскгэсстроя. В 1963 году на Саянскую площадку из г. Дивногорска был отправлен первый десант. С областными органами компартии и правительством Хакасской Автономной Области договорились, что убыточное Рудоуправление закрывается, передает свои «основные» средства и базы Саянгэсстрою, и ему же передается Лесопильный цех, именующийся Лесозаводом, в устье реки Уй. С этим десантом в Майна приехали два моих дальних родственника, – Тетка Мария Кадочникова и Шемберг Гарри Эрнстович, – оба родом из глухой таежной деревушки для ссыльных – Черная Кома. (Веселенькое название? Вселяет надежду в души.) Так же знакомый, – Заместитель директора ДОЗа из деревни Овсянска – Павшуков Павел Николаевич – отправлен в ссылку, после исключения из рядов компартии. И руководитель, на Саянскую площадку, – Палагичев Петр Михайлович кажется, точно не помню, – заместитель начальника Красноярскгэсстроя Бочкина А. Е. Мало того, что у вновь открытого Саянского участка КрасноярскГЭС-Строя не было финансирования, так еще не было защищенных заявок и регистрации в Госплане СССР. Палагичев носился по ближайшим городам, пытаюсь договориться о внеплановых продажах стройматериалов. Получалось плохо. И для большей убедительности он добавил к названию Саянской ГЭС святое слово для всего социалистического лагеря – Шушенская!!! И стала она все чаще звучать, как «Сая-

но – Шушенская», потому, что одной стороной ГЭС упиралась в Саянские горы Хакасской автономной области, другой в скалы Шушенского района, в котором наш дедушка Ленин несколько лет охотился на островах речки Шушь, и на Журавлиной Горке. Это обширное отступление я сделал для чего? Что бы пояснить, что и здесь оказалось, – я приехал не домой. Мы прожили в большой камере, купленной у Березиных, четыре года, – до 1973 года. Наши пять барачников на полторы тысячи «шконок»* – снесли бульдозером. Так что приехал я в гости к родителям, на лето в поселок Означенное, на месте которого, – триста лет назад, казаки поставили крайний свой острог. В нарушении царского указа, не решившись двигаться дальше к Сайотам,* на речку Хемчук, где памятны еще были монгольские конницы Чингисхана, которые скакали по долинам, – между лунных скал.

«шконка»* – морское, – спальное место прикрепленное к полу или другим несущим конструкциям.

Сайоты,* – малая народность таежных, горных охотников. Живут в Туве, Буриятии, Монголии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТО КОНЧАЕТСЯ

1

Мой диван стоял в маленькой комнате, с выходом на балкон. До середины июля я провалялся на диване, упорно уничтожая сигареты. Курить начал прошлым летом, в строй отряде, – от нервов и страха. Есть при монтаже ЛЭП такой момент, когда надо вытянуть провода в пролете, от анкера до анкера. Анкера стоят по концам линии, на углах поворота, и если нет углов – на максимальных расстояниях, по проекту. Пролет может быть и сто метров, а может быть и километр. Провода вытягиваются почти в ниточку, оставляется, только проектная стрела провиса. У нас провод натягивает трактор ДТ-75 и так получается, что на последних сантиметрах, когда остаётся сантиметров тридцать или пятьдесят до полной натяжки, не выдерживает почва под гусеницами трактора и гусеницы начинают буксовать, рвать землю. А трактористу подаётся сигнал – Ну давай, давай, показывают- « мол немного – там пятнадцать двадцать сантимов осталось», и он начинает ёрзать, крутить трактор в одну сторону- одну гусеницу притормозит, то другую, туда – сюда его разворачивает. Гусьянка за что-нибудь цепляется и дёргает! Провод не выдерживает – лопается. А провода, в полях деревенских, в связи с тем, что нагрузки электрические небольшие, – используют стальные. Они квадрат пятьдесят или семьдесят (милли-

метров квадратных) – полтора или два сантиметра в диаметре, пропускают нужное количество тока. И не такие дорогие, как алюминиевые. Ну вот, этот стальной трос, когда он лопаётся, а лопаётся он, когда у трактора уже не хватает сил вытащить. То есть, это струна стальная, и эта струна – летит в сторону анкера со свистом, как шашка или бич, сворачиваясь в петли, летит секунды полторы, две, в зависимости от того, на какой удаленности находится трактор от анкера. Вот 50—70 метров стального провода, летящего со скоростью звука, свёртываясь в полутораметровые кольца. Мотком этого троса, этого пучка, бьёт в оголовник анкера. Бьёт тех людей, которые стоят там на траверсе. А стоят, как правило, два человека, на траверсе, – пристегнутые цепью монтажного пояса. Этим людей сметает тросом, сбивают от туда, с траверсы. Они повисают на своих цепях, запутанные в петлях. Провод, метров тридцать и более улетает обратно в пролет, провисая в пролетах промежуточных опор. Может случиться всё, и голову, нахрен, оторвёт и всё что угодно. По моему, по этому поводу загадку придумали – Что за птица – летит, кричит, когтями машет – (электромонтер!) Но всё равно, на каждый анкер нужно залазить кому – то, и зацеплять натянутый провод за изолятор. А при натяжении третьего провода, верхнего, сам этот металлический Клин, цепляющийся к изолятору, надо перетащить через металлический оголовник на анкере. Трактор, когда начинает ёрзать, – он уже становится не в струну, не в створ, а куда-то в сторону съезжает. И когда

доходит клин оцинкованный, он залазит на оголовник стальной, металл по металлу – соскальзывает, провод падает с оголовника на траверсу, – щелкает на цепь от монтажного пояса и человека ломает, сгибает, в мгновение ока, шлепая его мордой или другой частью тела – об оголовник анкера.

Повисеть на траверсе анкера – одно сплошное удовольствие! А может, – даже два сплошных!

Эти детали работы на высоте – вроде бы не для студенческого строй отряда, а достаются как раз студентам, потому, что рабочие бригады отказываются от работ со стальным проводом и не только поэтому. Стальной провод – материал из прошлого. Давно лежит на улице, под дождями. Барабаны сгнили. Оденешь барабан на ось турника, что бы разматывать провод трактором, а он проломился на оси, (трактор то этого не видит), и тащит за собой и ось, и турник, и спутанную бухту стального троса. А если раскатаешь провод – он тяжелый, жалежный, – поднимать на каждую опору три раза – одно счастье, а может даже – три. Поэтому, копят участки ЛЭП со стальным проводом – до лета. Летом – студенты возятся, без зарплаты остаются, и приезжают домой – курящими. Сигареты были болгарские, «Тракия» назывались. Не длинные. Снимут с анкера, или повезет – сам слезешь на дрожащих ногах, – пол сигареты за один затыг сгорает. Опять же – это я про себя, и других слабонервных. Был у нас в бригаде Сережа Катышев, из параллельной группы. Деревенский парень, с деревенским глубоким спокойствием и уверенностью, что он все делает правильно и основательно! «Основательно» – основа уверенности. Работали на траверсе где – то в поле, ЛЭП 10 кВ, от Абалаково к Смородинке. Тянули верхний «вредный» провод. Пока я перепускал стальной оцинкованный клин на проводе, через сталь-

ной оголовник, Сережа, с другой стороны головы анкера, что то поднимал на «удочке» – (веревка для поднятия инструмента вверх, при необходимости). Груз на удочке надо было вывести из – под траверсы, на которой мы стояли, с разных сторон, он нагнулся. Я заорал, – «Сережа, бойся»– потому что клин шел через оголовник. Он спокойно ответил – Ни чего Валера, ... В этот момент клин соскользнул с оголовника, натянутый как струна стальной провод «щелкнул» на траверсу, на его сторону, сначала прилетев ему в лоб, сбив его с траверсы, а потом сам улегся поперек траверсы. Сережа повис под траверсой на цепи, боком переломившись на поясе. Из головы, как из крана, пошла жидкость жизни. Пока я на когтях перелазил через ногу анкера, на его сторону, в когтях пытался переступить по бобышке на траверсу, сидел на траверсу верхом, свесив ноги в низ, – из него все хлестало. Начал подтаскивать его ближе к ногам анкера и поднимать – безуспешно. Сам переворачиваюсь – верхом на бревне, а он не поднимается. Возможно – надо зацепить мою цепь в «натяжку» за противоположную ногу анкера, повиснув на ней, – поднимать Серёжу? Но уйдет минуты три или больше. Ведь мне для этого надо проделать акробатические трюки, – я сижу спиной к анкеру. Что бы встать и перейти к ноге, мне надо лечь на траверсу, поднять ноги на траверсу, повернуться на живот, дотянуться до головы анкера, опершись, – умудриться – стать на колени, и в когтях – встать на ноги. – Все это на бревне, на высоте двенадцати метров, потом все обратно, и

начать его поднимать. Он дождется? Тут не шевелясь, вися в низ головой, Сережа тихо говорит- «Ни чего, Валера, она сейчас остановится»... И она – остановилась.! Он потянул ко мне руку, я схватил ее, развернул его головой в верх, стал подтаскивать его к центру анкера, он другой рукой, подтягиваясь за свою цепь, поймался когтем за ногу анкера, переместился к ноге.. Сказал – отцепи меня.

–Ты же упадешь? – испугался я

Ничего, Валера, – я в порядке. А цепь натянутая, не дает ему обхватить ногу анкера. Нога то наклонная, идти по ней на когтях можно только с наружной стороны. Боясь убить товарища, – а выхода то нет,– отцепил его цепь, и вместе пошли в низ, на четырех когтях, так как надо его пристегивать и перестегнуть на перелазе через среднюю перекладину. Докладывать о случившемся нельзя, – исключат из института, за нарушение техники безопасности. Договорились с доктором – Любой, что бы она тоже не докладывала, по её каналам. Ходил месяц с синей мордой лица, с перевязанной головой, курить не начал! Он вообще был парень со странностями – Сережа Катышев. Как то мы на перекрестке в Аблаково привязывали поднятые провода к изоляторам. Конец дня, – часов в семь, я довязывал последнюю опору в пролете, и последнюю в этот день – идти на ужин. Четыре провода. Слез и подхожу к поворотной опоре, на которой сидит Женька Варыгин и вяжет – девять проводов. Я прилег на травку отдохнуть, жду Женьку, Куру. Подходит Катышев, посмот-

рел на Женьку, и говорит: – Жень, иди – ка сюда. Тот посмотрел на шутника, вяжет. Сережа сильнее, срочно надо, иди. – Подожди

– нет возможности ждать, слезь сюда, срочноенько.

Женька на курс нас старше, но парень хороший, без закидонов и забросов. Начинает спускаться через девять проводов. Это минимум девять раз надо цепь отцепить и перезастегнуться. На Женьке в тот день – пояс с капроновым фалом, а не цепь. Выкаблучивается, пролазит между проводами и изоляторами. Да еще и укосину перелезть надо. Спустился варыжка до пасынка бетонного, стоит на когтях – обратно же надо залезть и довязать опору.

– Ну, говори...

Сережа: – Жень, посмотри на лампочку.

– А на этом столбе – как раз фонарь уличного освещения установлен. Мы смотрим на лампочку – а она горит, – сияет! У меня окурочек изо рта упал за пазуху, пузо горит, а я не чувствую! Линия ни куда не подключена, ни к трансформаторной подстанции, ни к домам и потребителям – вся отключена, – а двадцать один человек вяжут провода под напряжением! Выяснили, – на краю деревни ферма. На дойку слесарь запускает маленькую электростанцию. А электрик тайком к сети подключил свой дом, – хоть час при свете пожить. Еще он тайком подцепил свой дом к уличной сети, пользуясь тем, что барабаны провода везде по деревне лежат. Что бы меньше лазить, – подключился на опоре к нижним проводам,

не подумал, что это четыре провода уличного освещения. В семь часов дойка начинается – линия уличная попадает под напряжение. Сережа так и не закурил в тот год, и оставался спокойным – как удав – от пачки дуста.

В ТАЙГУ!

1

Желудок болел постоянно. До смешного – ни острый, ни тупой а «под остренный» гастрит. Смех на палочке. А житья не дает. Можно Но-шпой на полдня обезболить, но это же не жизнь, и не лечение. И меня осенило – нужна диета, надо питаться рыбной ухой из свежего «харюза», пить свежий рыбий жир, а не тот прогорклый, что в детсадах давали, и может быть – полегчает? Надо плыть в Тайгу! Все грамотные специалисты кинуться поправлять меня – не плавать, а ходить! плавает по морю дерьмо... А мы в Сибири тут, далеко от моря, нам как-то всё равно, что там делают моряки на корабле – ходят или летают над мачтами, мы тут плаваем по рекам. В книгах пишется хариус, а у нас он – харюз, и мушки харюзовые на удочках. И рыба делится – не плотва и чебак, а елец и сорога. Многое у нас не так, как у специалистов и знатоков. Я не помню, как узнал, что Натальин дядюшка – Григорий Никифорович Соколов, тоже усталый – от болезни горла, плывет в верховья. Он не очень давно был – Григорий Никифоровичем. Работал главным энергетиком какого – то не крупного подразделения. Но потом стал Григорием, с должностью пониже – мастером. А потом опустился до Гришки Соколова, которого электриком и то вот- вот выгонят с работы. Его жена, – преподаватель русского языка и литературы, нашла слова, убедила его, что пора поехать в тайгу

недели на три, подлечить горло. Мы друг другу очень оказались – два сапога – пара. Вовремя. Ему одному идти было за сто двадцать километров вверх, по дикому безлюдью, хоть привычно, но не очень удобно. Он согласился взять меня с собой на Большой порог, «попроведовать» паряблямбу – (таежная погремуха*) На «Большом» (пороге) не только «стоял», а буквально – жил круглый год профессиональный охотник, насквозь – таёжник. Рождённый в тайге, – на золотоносном прииске. На горной, бурной, не проходимой для простых смертных реке – Кантегир, была небольшая таежная заимка, где в древние времена, еще до окончания сороковых годов двадцатого века, мыли золото. Приток Кантегира – ручей Приисковый – в разложье гор. Вот там Сашка Сухомятов и родился. Вся его жизнь связана с тайгой и водой. Его жена – депутат поссовета, штукатур-маляр, уважаемый человек на стройке, живет в пятиэтажке, а он – охотник промысловик. Ему в 1973 году было 60 лет. ростом – метр шестьдесят, наверное, на лице остался След медвежьей лапы, когти которого вырвали ему один глаз, в юности. – Они с братом затеяли игру, кто щелкнет медведя в петле палочкой по носу. Палочку обрезали – передавали другому.

У Григория Соколова – плоская, широкая «Тюменка». Неповоротливая, с низким бортом, под вихрем, двадцаткой. Чуть грузанешь – на глиссировку не выходит. В режиме плавания, как утюг, бороздит тяжелую Енисейскую воду, против течения. До порога идти – литров сто пятьдесят надо бензина загрузить,

продукты на три недели, вещи... Лодка битком, брезентом накрытая. Управление – дистанционное. Сидим рядышком, крутим руль, управляем двигателем, спрятавшись от пронизывающего ветра, за лобовым стеклом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.